

УДК 82.06

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-64-69

НАЦИОНАЛЬНОЕ VS ГЛОБАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

© Татьяна Бреева

THE NATIONAL VS THE GLOBAL IN MODERN RUSSIAN PROSE

Tatyana Breeva

The article deals with the modern artistic representation of the national aspect in Russian literature and discusses the stages of forming new approaches to the conceptualization of national meanings in the literature at the turn of the 20th–21st centuries. We consider the dependence of constructing the problem of the national in the 1990s and the 2000s on the existing mechanisms of national modeling. At the same time, the article traces the creation of a special situation, in which, in one time period, the reflection of post-colonial, national and post-Soviet problems are combined, setting the specifics of national conceptualization in Russian literature of the next decade. The article proves the inclusion of post-colonial/decolonial language into the process of national conceptualization; in some cases, it leads to the functionalization of national meanings, in others, it emphasizes new ways of national self-identification associated with estazis. In the works of this kind, we have ascertained an increase in the importance of the body code, which represents one of the sense perception options. It can be argued that the problem of constructing national meanings in modern Russian literature is associated not so much with the process of its conceptualization and restructuring, but with searches in the field of the language for describing the national aspect. In this case, post-colonial and post-Soviet discourse, as well as decoloniality, are beginning to play a key role.

Keywords: conceptualization of the national, postcolonial discourse, decoloniality, decolonial estazis, body code

В статье рассматривается современный аспект художественной репрезентации проблемы национального в русской литературе. Обсуждается этапность становления новых подходов концептуализации национальных смыслов в литературе рубежа XX–XXI веков. Рассматривается зависимость конструирования проблемы национального в 1990-е и 2000-е годы от сложившихся механизмов национального моделирования и одновременно прослеживается создание особой ситуации совмещения в одном временном периоде рефлексии постколониальной, национальной и постсоветской проблематики, задающей специфику национальной концептуализации в русской литературе последующего десятилетия. В статье доказывается включение в процесс национальной концептуализации постколониального/деколониального языка, в некоторых случаях приводящего к функционализации национальных смыслов, в других акцентирующего новые пути национальной самоидентификации, связанные с эстазисом. Констатируется возрастание значимости телесного кода в произведениях подобного рода, презентующего один из вариантов чувствования. Можно утверждать, что проблема конструирования национальных смыслов в современной русской литературе связывается не столько с процессом ее концептуализации и реструктуризации, сколько с поисками в области языка описания национального, и здесь ключевую роль начинают играть постколониальный, постсоветский дискурсы, а также деколониальность.

Ключевые слова: концептуализация национального, постколониальный дискурс, деколониальность, деколониальный эстазис, телесный код

Процесс национального конструирования в русской культуре, начавшись на рубеже XVII–XVIII веков, остается крайне востребованным до сегодняшнего дня. Безусловно, его интенсивность постоянно меняется от доминантного вектора социального моделирования до периферических оттенков, аранжирующих совершенно

другие процессы. Общеизвестно, что в этом контексте рубеж XIX–XX и рубеж XX–XXI веков занимают особое место; и если первый становится временем окончательной концептуализации национального нарратива как в философском, так и в культурном планах, то второй рубеж осложняется совокупностью одновременно актуа-

лизировавшихся факторов, задающих своеобразные контекстные поля в осмыслении проблемы национального. Собственно, к числу подобных факторов, следует отнести, с одной стороны, стремительное вхождение России в постколониальную и глобализационную ситуации, а с другой, тот вариант коллективной травмы, которую переживает Россия, практически в одночасье лишаясь имперского сознания.

Соответственно, 2000-е годы одновременно воспроизводят достаточно традиционный формат концептуализации национального, сложившийся еще в рамках первого рубежа, и в то же время начинают формировать контексты иных подходов к воспроизведению национальных смыслов. Первый вариант легко считывается в возникающих на данном этапе национальных нарративах, которые, по сути, представляют собой вариант модернизации классических концепций, лежащих в основе национальной самоидентификации. Концепция «всемирной отзывчивости русской души» замещается цивилизационным нарративом, особенно если учесть, что этот процесс имплицитно осуществлялся с момента активизации евразийских идей, то есть длился практически полвека. Концепция национального мессианизма не только деконструируется, но и трансформируется в имперский нарратив, а мифологема русской души реструктурируется на основе новых нравственных регуляторов, обеспечивающих своеобразную секуляризацию национальных контекстов. Следует, однако, отметить, что при всей его распространенности в литературе данного времени подобный вариант концептуализации национального наиболее широко представлен прежде всего в миддл-литературе (Г. Чхартишвили – проект «Борис Акунин», Хольм ван Зайчик, Вяч. Рыбаков и т. д.). Представляется, что объяснением этого могут быть два обстоятельства. Во-первых, это связывается со спецификой интеллектуальной и общественной атмосферы того времени. Реформирование национальной идеи оказывается своеобразным трендом, который в равной степени востребован как в политической риторике, так и в общественном сознании, причем литература 2000-х годов начинает имплицитно претендовать на роль социального значимого регулятора.

Вместе с тем вторым обстоятельством, объясняющим сосредоточение процессов национального конструирования именно в рамках миддл-литературы, становится, на наш взгляд, исчерпанность языка презентации национальных смыслов. В этом отношении интересующий нас временной отрезок приобретает характер некоего предварительного этапа, формирующего опреде-

ленные основания для будущей выработки нового языка описания национального.

Русская литература 2000-х годов оказывается сосредоточена на фиксации и осмыслении постколониальных, национальных и постсоветских смыслов. В это время они напрямую не взаимодействуют друг с другом, но сам факт одномоментности их появления становится основанием для будущего сближения. В 2000-е годы постколониальный дискурс представлен не только форматом постколониального романа (Г. Сандулаев «Я – чеченец», А. Волос «Хуррамабад», А. Мамедов «Фрау Шрам»), но и рядом текстов, концептуально связанных с романом В. Аксенова «Остров Крым» и проблематизирующих ситуацию внутренней колонизации (Д. Быков «ЖД», А. Волос «Маскавская Мекка» и др.). Причем в контексте данного обсуждения важным представляется фиксация в данного рода текстах исчерпанности традиционной системы концептов, используемых для формирования национального мифа, прежде всего это касается мифологизации любых репрезентантов национальных смыслов или процессов; а также изоляционистско-провиденциального ракурса, на рубеже XIX–XX веков декларативно манифестируемого мифологемой «потаенной» России, а во второй половине XX века – «нутряной» России.

В определенной степени пересмотр традиционных ракурсов концептуализации национального обнаруживает и тот вариант литературы, который начинает фиксировать травматический опыт постсоветского сознания (М. Елизаров «Мультики», «Библиотекарь», В. Шаров «Репетиции», «Будьте как дети», А. Терехов «Каменный мост»), разрушая систему традиционных оппозиций национального и имперского, национального и советского. В данном случае примечателен не столько пересмотр характера взаимодействия бинарных оппозиций (демонстрируется их внутреннее сопряжение и взаимозависимость), сколько форсирование все того же процесса секуляризации национальных смыслов и их движения в сторону исторической диахронии, то есть конструирование национальных смыслов начинает учитывать весь исторический опыт существования нации.

В дальнейшем эта тенденция внутреннего взаимопроникновения национальных, постколониальных и постсоветских смыслов еще более обостряется. В определенной степени это обусловливается комплексом социополитических и социокультурных факторов, ведущее место среди которых, с одной стороны, отводится неисчерпанности постколониальной ситуации в России и ее разрастанию не только на этнической,

но и на региональной почве, а с другой, новому витку вовлечения России в дихотомию модерности/колониальности, активизирующему в отношении нее статус Иного.

Совокупность всех этих обстоятельств формирует несколько более или менее значимых магистральных линий. Общим моментом в этом случае можно считать апелляцию к деколониальному языку. Теория деколониальности возникает как своеобразная критика постколониальных штудий, при этом основными векторами критического анализа становятся универсализация моделей колониальности и формирования языка их описания внутри институализированной и, как следствие этого, колониальной системы знания, которая определяется теоретиками деколониальности как «колониальная матрица власти» (в роли теоретиков выступают Вальтер Миньоло, А. Кихано, Мадина Тлостанова и др.) [1], [2], [3], [4], [5]. Одной из ключевых проблем деколониальных штудий становится вопрос о «путях производства, распространения и репрезентации знания». Среди альтернативных вариантов Тлостанова и Мильоло называют «деколониальную политику», «телесную политику знания, бытия и восприятия» и «деколониальный эстезис». Собственно, последний вариант нас сейчас и будет интересовать.

В определении М. В. Тлостановой, «деколониальный эстезис, вырастающий из пограничной позиции „извне, созданного изнутри“, ставит целью освободиться от часто неосознаваемого, но существующего уже несколько столетий жесткого и тотального контроля над ощущениями, на которые откликаются наши тела. Чтобы осуществить это, необходимо деколонизировать знание, регулирующее эстезис, и субъектности, которые контролируются западной модерной / постмодерной / альтермодерной эстетикой» [5, с. 112]. Различные варианты эстезиса, хотя и по-разному, но обнаруживают себя в обоих векторах развития проблемы национального в современной прозе.

Первый вариант оказывается связан с регионализацией национального мифа и включением его в постколониальный дискурс, причем можно предварительно говорить о том, что проблематизируется именно постколониальная составляющая, формируя не типичную для русской модели конструирования национального мифа гендерную пару, тогда как производство собственно регионального мифа осуществляется как попытка нахождения способов выразить «чувственный опыт» субалтерна.

Примерами подобного подхода с определенными оговорками могут служить романы А.

Иванова и Г. Яхиной. Сразу оговоримся, что оба автора в современной литературе занимают, по крайней мере, пограничное положение, являясь одновременно и очень востребованными как читательской аудиторией, так в области литературоведческой рефлексии, а другой стороны, явно тяготея к моделям масскульта. Нас интересует не столько художественный потенциал данных текстов, сколько тенденция, ими репрезентируемая.

И в том, и в другом случае региональный миф сопровождается фиктивной отсылкой к этнической основе. В отношении текстов А. Иванова это приобретает, скорее, процессуальный характер. Ранние тексты – «Золото бунта» (2005) и «Сердце Пармы» (2003) – формируют представление об особой уральской идентичности, апеллируя к образу Великой Перми («Тобол», 2018). Позднее же все это трансформируется в миф о горнозаводской уральской цивилизации неэссенциалистского толка. В романах Г. Яхиной региональный миф лишь косвенно соприкасается с национальным контекстом; скорее, можно говорить о том, что Г. Яхина демонстрирует попытку реконструкции нативного женского сознания, создавая достаточно устойчивую пару столичности (мужской образ, чаще всего эксплуатирующий мотив «двадцатипятилетия») и провинциальности/региональности (женский образ) («Зулейха открывает глаза», 2015). Учитывая абсолютную зависимость романистики Г. Яхиной даже не от традиции, а от прямого влияния творчества Л. Улицкой, речь о процессах национального конструирования в отношении ее текстов вряд ли может идти. Однако воздействие гендерно-маркированной прозы позволяет сакцентировать внимание на проблемных контекстах постколониального феминизма, который достаточно легко считывается как в романах Г. Яхиной, так и, например, у Бибиш (Сиддикова Хаджарбиби) в ее книге «Танцовщица из Хивы, или История простодушной». При этом различие колониального женского опыта происходит через активную апелляцию к совокупности элементов, составляющих телесный опыт жизни. Во многом именно с этим связывается создание эффекта литературы свидетельства, широко используемого писателями подобного рода.

На наш взгляд, особенно в первом романе Г. Яхиной возникает совершенно отчетливое и акцентированное несовпадение традиционно понимаемого национального мира и телесного опыта, оформляющегося в женский эстезис. Разность контекстов фиксируется в романе достаточно отчетливым воспроизведением тривиальной для русского культурного сознания коллизией, отсылающей к «Грозе» Н. А. Островского и задаю-

щей иной по отношению к национальному характер чувствительности и иную оптику. Обращение к инокультурной модели становится в романе своего рода знаком размежевания национального и нативно-женского сознания, выступающего в роли колонизируемого Иного как в национальном, так и в социальном контекстах (собственно образ Зулейхи). Одновременно с этим на страницах романа происходит конструирование мира через активное обращение к родовой памяти героини, представляющее собой индивидуальный набор сенсорных ощущений.

Особое место в этом новом типе чувствительности играет язык, который практически утрачивает способность концептуализировать языковую национальную картину мира и трансформируется в фоническую систему, создающую индивидуальный слепок мира. Проблемное заострение этого нового варианта обнаруживает себя в третьем романе Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд» в обсуждении особой языковой чувствительности беспризорников и в итоговом поминании имен умерших детей. М. В. Тлостанова, проясняя деколониальное понимание эстезиса, не совпадающее с его трактовкой в постмодернистской философии (М. Маффесоли, Ж. Делез и Ф. Гваттари) [6], отмечает существование двух направлений в его разворачивании, одно из которых она определяет как «историко-археологический проект – это поиск и реабилитация родных звуков, запахов, вкусов или реэкзистенция... эффективная деколониальная стратегия: когда человек существует в сердцевины колониальной матрицы в качестве иного и бесправного, для него включение и активная переработка звуков, запахов, цветов и вкусов его предков, пересоздание систематически отрицавшихся в модерности форм взаимодействия с миром, бытия, ощущения, становятся необходимостью, чувственным откликом противостояния колониальности и выстраивания собственной экзистенции заново и вопреки» [5, с. 113]. Собственно все эксперименты с языком в прямом смысле и языком тела в «Зулейхе...» осуществляются именно в этом направлении.

Иными словами, тенденция регионализации национального мифа, активно эксплуатирующая постколониальный дискурс, привносит в процессы национального конструирования постколониальные модели и прежде всего модель колониального Иного. Во многом именно этим объясняется принципиальная открытость и незавершенность «колониальной раны», демонстрируемая во всех текстах подобного рода.

Вторая линия в современных процессах формирования языка описания национального

обнаруживает себя в отношении текстов, связанных с национальным полем России. Круг этих текстов на сегодняшний день крайне локален, в качестве примеров, обнажающих некую более или менее отчетливо ощущаемую тенденцию, обратимся к романам М. Гиголашвили и А. Понизовского, которые фиксируют два значимых момента в подходах к процессам национальной самоидентификации.

М. Гиголашвили – прежде всего в своих романах «Захват Московии» (2012) и «Тайный год» (2017) – вполне открыто фиксирует ситуацию постколониальности по отношению к самой России, обнаруживая именно в отношении нее статус колониального Иного. Примечательно, что при всей разнородности жанровых стратегий в этих текстах («Захват Московии» – «национал-лингвистический роман» по определению самого автора и «Тайный год» – психодрама с элементами фантастологии, как определяют критики) и в том, и в другом случае появляется исторический нарратив об Иване Грозном. Это довольно показательно: если рубеж XIX–XX веков в качестве точки бифуркации в процессах национальной самоидентификации мыслил эпоху петровских преобразований, концептуализируя ее в петербургском периоде русской истории, то в последние десятилетия точка бифуркации смещается к эпохе Ивана Грозного (В. Сорокин «День опричника»). Оба текста М. Гиголашвили становятся своего рода отражением и проблематизацией неоимперских и неоколониальных амбиций России. Проецирование ситуации постколониальности на саму Россию разрешает утверждение ее внутренней гибридизацией и мультикультурностью, отражением которых становится все та же языковая стихия, главным образом это касается «Захвата Московии».

Роман А. Понизовского «Обращение в слух» (2013) также свидетельствует об использовании постколониального инструментария в языке описания национального. Сюжет романа герметичен, он представляет собой воспроизведение множественных аудиопленок, с записанными нативными нарративами, которые слушают в пансионате в Швейцарии четыре героя: студент Федор, супружеская пара – Дмитрий Всеволодович Белявский и его жена Анна, молодая девушка Леля (примечательно, что, по крайней мере, декларируется подлинный характер воспроизводимых интервью, якобы собранных в лечебных и торговых учреждениях России). Эти интервью перемежаются фрагментами, в которых слушатели пытаются их комментировать и самое главное концептуализировать, причем трое из слушателей занимают внешнюю по отношению к русско-

му миру позицию. Основой подобной коллизии становятся теория доктора Хааса, научного руководителя Федора, которая заключалась в следующем:

«Чтобы понять национальный характер – не важно, русский, турецкий или швейцарский – т. е. именно чтобы понять „народную душу“, „загадку народной души“ – нужно было (по Хаасу) выслушать *les recits libres* (здесь и далее курсив автора. – Т. Б.) („свободные повествования“) подлинных „обладателей“ или „носителей“ этой самой „души“, т. е. простых швейцарцев, или простых португальцев, или простых косоваров... Главное – с точки зрения д-ра Хааса – следовало организовать интервью таким образом, чтобы повествование (*le recit*) от начала и до конца оставалось „свободным“ (*libre*). Ни в коем случае интервьюеру не позволялось влиять на ход разговора: разрешено было лишь поощрять говорящего („дальше, дальше“, „ах, как интересно“), а также – при соблюдении ряда строгих ограничений (с французской дотошностью перечисленных Хаасом) – задавать „уточняющие“ или „проясняющие“ вопросы. *Le narrateur* (повествователь) должен был рассказывать исключительно то, что хотел сам; как хотел; и сколько хотел» [7].

На протяжении практически всего романа автором фиксируется одна и та же ситуация: расшифровка записей выливается в попытки их комментирования в разных дискурсивных контекстах: Федор задает традиционно почвеннические контексты, Белявский воспроизводит западный дискурс колониального толка, его жена фиксирует гендерную призму, причем основой для их теоретических построений становятся не столько сами истории, сколько их отражение в языковых механизмах. Результатом этого становится своеобразная универсализация и музеефикация национальных смыслов. Романная же стратегия, выстраивающаяся в тексте, оказывается крайне фрагментарным воспроизведением любовной истории Федора и Лели. Последняя героиня, которую Белявский неизменно называет Энигмой, становится в романе своего рода камертоном звучащей речи. И, собственно, развязка любовной истории совпадает с растворением Федора и Лели в речи (организация нарратива), их непосредственным обращением в слух.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема национального на современном этапе связывается не столько с процессом ее концептуализации и реструктуризации, сколько с поисками в области языка описания национального, и здесь ключевую роль начинают играть постколониальный, постсоветский дискурсы, а также деколониальность как одни из значимых на сегодняшний день вариантов типа чувствования.

Список источников

1. Деколониальность: настоящее и будущее / под ред. Е. Джаббаровоой. М.: Горизонталь, 2022. С. 154.
2. Мильоло В. Задействую архивы, децентрирую муз. URL: <https://easteast.world/posts/391> (дата обращения: 20.07.2022).
3. Глостанова М. В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1–64.
4. Глостанова М. В. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // НЛО. 2020. № 1 (161). С. 66–84.
5. Глостанова М. В. Телесная политика ощущения, знания и бытия и деколонизация музея // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 1–2 (81–82). С. 110–125.
6. Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях // Ж. Делез Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. Я. И. Свицкого. М.: Per Se, 2000. 349 с.
7. Понизовский А. Обращение в слух. URL: https://royallib.com/book/ponizovskiy_anton/obrashchenie_v_sluh.html (дата обращения: 20.07.2022).

References

1. *Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee* (2022) [Decoloniality: the Present and the Future]. Pod red. E. Dzhabbarovoi. P. 154. Moscow, Gorizonta'. (In Russian)
2. Mil'olo, V. *Zadeistvuyu arkhivy, detsentriruya muz* [I Use the Archives, Decentering the Muses]. URL: <https://easteast.world/posts/391> (accessed: 20.07.2022). (In Russian)
3. Tlostanova, M. V. (2012). *Postkolonial'naya teoriya, dekolonial'nyy vybor i osvobodzhenie estezisa* [Postcolonial Theory, Decolonial Choice and the Liberation of Estazis]. *Chelovek i kul'tura*. No. 1, pp. 1–64. (In Russian)
4. Tlostanova, M. V. (2020). *Postkolonial'nyy udel i dekolonial'nyy vybor: postsotsialisticheskaya mediatsiya* [Post-colonial Destiny and Decolonial Choice: Post-Socialist Mediation]. *NLO*. No. 1 (161), pp. 66–84. (In Russian)
5. Tlostanova, M. V. (2014). *Telesnaya politika oshchushcheniya, znaniya i bytiya i dekolonizatsiya muzeya* [The Bodily Politics of Sensation, Knowledge and Being, and the Decolonization of the Museum]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. T. 16. No. 1–2 (81–82), pp. 110–125. (In Russian)
6. Delez, Zh. (2000). *Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh* [Kant's Critical Philosophy: the Doctrine of Abilities]. Zh. Delez *Kriticheskaya filosofiya Kanta*. Bergsonizm. Spinoza. Per. s fr. Ya. I. Svirskogo. 349 p. Moscow. Per Se. (In Russian)
7. Ponizovskii, A. *Obrashchenie v slukh* [Being All Ears]. URL: https://royallib.com/book/ponizovskiy_anton/obrashchenie_v_sluh.html (accessed: 20.07.2022). (In Russian)

The article was submitted on 17.08.2022

Поступила в редакцию 17.08.2022

Бреева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@kpfu.ru

Breeva Tatiana Nikolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@kpfu.ru